

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ
ТҰҢҒЫШ ПРЕЗИДЕНТІ - ЕЛБАСЫНЫҢ ҚОРЫ

«ҒЫЛЫМ ЖӘНЕ БІЛІМ – 2017»

студенттер мен жас ғалымдардың
XII Халықаралық ғылыми конференциясының
БАЯНДАМАЛАР ЖИНАҒЫ

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ

XII Международной научной конференции
студентов и молодых ученых
«НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ – 2017»

PROCEEDINGS

of the XII International Scientific Conference
for students and young scholars
«SCIENCE AND EDUCATION - 2017»

14th April 2017, Astana

**ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ БІЛІМ ЖӘНЕ ҒЫЛЫМ МИНИСТРЛІГІ
Л.Н. ГУМИЛЕВ АТЫНДАҒЫ ЕУРАЗИЯ ҰЛТТЫҚ УНИВЕРСИТЕТІ**

**«Ғылым және білім - 2017»
студенттер мен жас ғалымдардың
XII Халықаралық ғылыми конференциясының
БАЯНДАМАЛАР ЖИНАҒЫ**

**СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
XII Международной научной конференции
студентов и молодых ученых
«Наука и образование - 2017»**

**PROCEEDINGS
of the XII International Scientific Conference
for students and young scholars
«Science and education - 2017»**

2017 жыл 14 сәуір

Астана

УДК 378

ББК 74.58

Ғ 96

Ғ 96

«Ғылым және білім – 2017» студенттер мен жас ғалымдардың XII Халықаралық ғылыми конференциясы = The XII International Scientific Conference for students and young scholars «Science and education - 2017» = XII Международная научная конференция студентов и молодых ученых «Наука и образование - 2017». – Астана: <http://www.enu.kz/ru/nauka/nauka-i-obrazovanie/>, 2017. – 7466 стр. (қазақша, орысша, ағылшынша).

ISBN 978-9965-31-827-6

Жинаққа студенттердің, магистранттардың, докторанттардың және жас ғалымдардың жаратылыстану-техникалық және гуманитарлық ғылымдардың өзекті мәселелері бойынша баяндамалары енгізілген.

The proceedings are the papers of students, undergraduates, doctoral students and young researchers on topical issues of natural and technical sciences and humanities.

В сборник вошли доклады студентов, магистрантов, докторантов и молодых ученых по актуальным вопросам естественно-технических и гуманитарных наук.

УДК 378

ББК 74.58

ISBN 978-9965-31-827-6

©Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия
ұлттық университеті, 2017

большие деревянные лодки, теперь им на смену пришли дешевые одноразовые надувные: контрабандисты боятся, что будут перехвачены в рамках операции по обнаружению и уничтожению, которую проводят в международных водах военные силы Евросоюза. Ужасающее состояние этих суденышек стало причиной многих трагедий. Спасателям MSF случалось находить в лодках тела людей, которые задохнулись под тяжестью сотен попугачиков или захлебнулись на дне ядовитой смесью морской воды и топлива.

Исследуя разные источники и статистические данные, Средиземноморский маршрут является одним из самых опасных маршрутов в Европе.

Подавляющее большинство беженцев и мигрантов ищут пристанище и работу в своем регионе. По данным Агентства ООН по делам беженцев, наибольшему числу людей укрытие дают не европейские страны, а Турция, Пакистан, Ливан, Иран, Эфиопия, Иордания, Кения, Уганда, Демократическая Республика Конго и Чад. На эти страны приходится более половины мирового потока беженцев. Европа не только принимает мизерный в мировом масштабе процент мигрантов, но продолжает изобретать все новые способы удержать тех, кто нуждается в убежище, подалее от своих границ.

Список использованных источников:

1. Переведенцев В. И. Методы изучения миграционного населения. - М., 1975.
2. Хорев Б.С., Чапек В. Н. Проблемы изучения миграции населения. - М., 1978.
3. Хомра А. У. Миграция населения. - Киев, 1979.
4. Чапек В.Н. Миграция и стабилизация трудовых ресурсов. - Ростов-на-Дону, 1983.
5. Моисеенко В.М. Территориальное движение населения. - М., 1985.
6. Бреев Б.Д. Подвижность населения и трудовые ресурсы. - М., 1977.
7. Назарова Е. А. Особенности современных процессов миграции// Социс. -2000. - N1 – с/ 106-110.

УДК 327

ПРОЦЕСС СТАНОВЛЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА В ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Саинкумар Амина Кайратовна

a.sainkumar@yandex.ru

магистрант 1 курса Факультета международных отношений

ЕНУ им. Л.Н.Гумилева, Астана, Казахстан

Научный руководитель – А. Есдаулетова.

В короткий промежуток времени иммиграция стала одной из основных проблем в области европейской политики и социального дискурса, ставящих под вопрос статус-кво таких концепций, как гражданственность, государственность и сплоченность общества. Миграция в пределах Европейского Союза и, прежде всего, внешняя иммиграция привела к феномену, описанному как мультикультурализм. Поддержка, если она вообще существовала, превратилась в официальные и широко распространенные чувства антипатии как к некоторым иммиграционным группам и этническим меньшинствам как таковым, так и к мультикультурализму как идеологии политической стратегии в частности.

В дебатах об иммиграции в Соединенное Королевство часто утверждается, что до второй половины 20-го века британское общество было однородным, и поэтому его опыт культурного разнообразия является новым явлением. Это понятие основано на ложной концепции Великобритании как государства одной этнической группы. На самом деле, Британия всегда отличалась разнообразием с точки зрения религии, этнической принадлежности и культуры. Как отмечает профессор Бернанд Крик, «Великобритания долгое время была мультикультурным государством, состоящим из Англии, Северной

Ирландии, Шотландии и Уэльса, а также мультикультурного общества. Состоящие из разнообразных культур и самобытности» [1]. С древних времен в Великобритании поселились разные этнические группы на протяжении веков: кельты, норманны, викинги, гугеноты и евреи, и это лишь немногие из них. [2]

Со времен Второй мировой войны была еще одна волна прибытий, которую обычно называют постколониальной или иммиграцией Содружества. Этот набор иммигрантов, хотя и не самый многочисленный, был в правительственной повестке дня важной частью общественных дебатов на протяжении последних десятилетий. Это поднимает как проблемы, так и надежды в контексте британского мультикультурного общества и его будущего.

История послевоенной иммиграции в Великобританию похожа на Германию одним способом: обе страны проявляют неохотное отношение к массовым новичкам. Новичков не приветствовали - хотя и в разных обстоятельствах. Тем не менее, британские иммиграционные ограничения имели и другую направленность. Иммиграционная политика была обусловлена фактом крушения Империи. [3] Таким образом, то, что определило тенденции иммиграции в течение десятилетий после Второй мировой войны, было, главным образом, постепенно ограниченным притоком граждан бывших британских колоний. Конечно, это не означает, что неколониальная иммиграция не состоялась, но именно постколониальная иммиграция имела самый большой масштаб и влияние на изменения в британском обществе. Великобритания переживает иммиграционные процессы, которые превратили якобы однообразное национальное государство с небелым населением, насчитывающим около 3 000 человек в конце Второй мировой войны, в многокультурное, многообразное общество с более чем 7 Миллионов жителей, родившихся за границей в начале XXI века.

Все началось в 1948 году, когда был принят Закон о британском гражданстве. Законодательство гарантировало право въезда в Великобританию всем гражданам Содружества. С тех пор 800 миллионов человек, проживающих на территориях, занимающих четверть земной поверхности, могут въезжать и поселяться в Великобритании без каких-либо ограничений. Это удивительно изменило направление миграции в Британскую империю - Великобритания, как и многие другие европейские страны, была обществом эмиграции на протяжении столетий. Теперь картина была обращена вспять: Великобритания полностью открыла свои двери и стала экономически привлекательной страной назначения. На этом этапе последствия иммиграции не принимались во внимание - Закон был просто способом сохранения статус-кво Британской империи и ее граждан, а это включало в себя не только жителей Великобритании, но и все британские колонии, подчиненные королеве. [4]

В течение следующих 14 лет, до следующего законодательства, известного как Закон о репатриантах Содружества 1962 года, Великобритания имела одну из самых либеральных миграционных политик в мире. Каким же образом может быть оправдано понятие Великобритании как неохотной страны иммиграции? Это можно объяснить, если мы рассмотрим обстоятельства либеральной политики. Оно не мотивировалось открытостью для сограждан или послевоенным дефицитом рынка труда (вопреки распространенному мнению), поскольку источником иностранных рабочих Великобритании была Европа. [5] Одна из крупнейших схем труда была Европейская волонтерская (EVW), которая позволила около 350 000 европейцев (в основном поляков) приехать и остаться в Британии. Более того, EVW могли выйти на рынок труда страны на тех же условиях, что и британские рабочие сразу после свободных лет проживания. Напротив, понятие схемы труда для небелых иммигрантов было отвергнуто: министерство труда «исключило любой вопрос о согласованном плане по привлечению сюда колониальных рабочих из Западной Индии, указывая на серьезные социальные последствия, которые влечет за собой введение других рас в рабочую силу». [6] Ясно, что политики не были в восторге от небелой иммиграции и, в лучшем случае, пассивно терпели ее. [7] Их решение диктовалось скорее политическими соображениями и было своего рода компромиссом чтобы ужиться со Старым Содружеством, которое было приоритетом иностранных дел.

Независимо от реальных причин этого закона, эффект (можно сказать, побочный) был миграцией людей из бывших британских колоний со всего земного шара в 1950-х годах. Это был решающий период в британской иммиграционной истории, который обеспечил ее мультикультурный характер. Первыми прибывшими были мужчины и женщины из британской колонии на Карибских островах, в основном на Ямайке. Их эмиграция в Великобританию была вызвана слабым состоянием карибской экономики и спросом на труд, который был фактором всех иммиграционных волн. В период между 1945 и 1959 годами в Великобритании поселилось 126 000 карибских рабочих. Другими источниками были Индия и Пакистан: к началу 1960 года в Британии было до 100 000 человек индийского и пакистанского происхождения. Многие из них нашли работу в отраслях с вакансиями, такими как производство металлов, транспорт, общественное питание, а также профессиональные занятия, как, например, в Национальной службе здравоохранения. Британия стала также страной назначения для людей из Мальты, Кипра и Китая. В те годы прибыло более 66 000 иммигрантов из Мальты и Кипра и 50 000 из Китая. [8]

В общей сложности около 500 000 мигрантов без каких-либо родственников в Великобритании въехали в страну с 1949 по 1962 год. Именно тогда так называемая «цветная» иммиграция рассматривалась как угроза культурной однородности Британии. Неблагоприятные социальные настроения по отношению к небелым с самого начала существовали вне всякого сомнения и открыто выражались с конца 1950-х годов. Хотя колониальные мигранты не являлись частью какой-либо правительственной программы, направленной на сокращение дефицита рабочей силы, они действительно заполнили рабочие места, которые были не заполнены англичанами. Несмотря на это, и из-за общих расовых предрассудков, они были почти полностью нежелательны как государством, так и населением. Социальные опросы этого периода показывают общественную оппозицию большинства. Встревоженные враждебностью по отношению к новичкам (например, известные расовые беспорядки в Ноттингеме и Лондоне, которые в основном были нападениями на западных индейцев и их дома в 1958 году), политики стремились помешать этому. Например, правительство обязало каждого пакистанца, въезжающего в Великобританию, внести депозит для покрытия стоимости их возвращения. СМИ и некоторые политики описывали «цветную» иммиграцию как «национальную проблему».

Вследствие растущего беспокойства и анти-иммиграционных настроений консервативное правительство быстро внедрило Закон о иммигрантах Содружества в 1962 году, в результате чего граждане Великобритании, чьи паспорта не были выданы британским правительством, подлежащим иммиграционному контролю. Это положило конец предыдущему законодательству. Закон требовал, чтобы мигранты обладали желаемыми профессиональными навыками и занимали рабочие места до их прибытия. Новое ограничение было оправдано тремя аргументами. «Цветная» иммиграция может вызвать: во-первых, перенаселение, во-вторых, эскалацию безработицы и, в-третьих, проблемы «расовых отношений». [9] Действительно, это был факт, что подавляющее большинство небелого населения, как правило, были агломерированы в некоторых городских районах с более высоким уровнем безработицы и преступности.

Великобритания осознала слишком поздно, что приток уже изменил пропорцию населения - этого 14-летнего послевоенного периода было достаточно, чтобы обеспечить британский мультикультурализм. Слухи об ограничении политики привели к двойному притоку в 1961 и 1962 годах. Более того, следующая волна была неизбежной, несмотря на ограничительное законодательство - воссоединение семей гарантировало, что миграция будет продолжаться в течение следующего десятилетия. Члены семей не лишались права въезжать в страну. [10] Приток колониальных граждан более регулировался государством, которое связывало его с требованием на британском рынке труда и его меняющейся политической идеологией.

В последующие годы Соединенное Королевство постепенно ужесточило контроль за иммиграцией в постколониальный период. Хотя чистая миграция не уменьшилась из-за

вышеупомянутого закона, регулирующего воссоединение семьи, законодательство все более ужесточилось. В 1968 году социальные анти-миграционные настроения подпитывались широко обсуждаемой речью, которую проводил консервативный депутат Енох Пауэлл. Речь, которая вошла в историю как «Речь Крови», напала на иммиграцию Содружества. Пауэлл заявил, что они должны быть безумны как нация, чтобы допускать ежегодный приток 50 000 иждивенцев. Он сравнил это с наблюдением за нацией, занятой нагромождением собственного погребального костра. [11] Его главный аргумент против многорасового общества был основан на предполагаемом английском культурном единстве и уравновешенном британском образе жизни, который мог быть уничтожен вторгшимися ордами иммигрантов, которые, с их различной практикой и «склонностью к преступности», никогда не сможет ассимилироваться. [12]

После избирательной кампании, в которой Консервативная партия обещала усилить «строгий иммиграционный контроль», следующий законопроект был введен в 1971 году. Второй Закон о иммигрантском содружестве направлен на более эффективную основу для контроля: понятие «пристрастности». Теперь только «Патриции» имели право въезжать в страну. Они были британскими гражданами, у которых был дед или родитель, рожденные в Великобритании. Остальные граждане подверглись контролю. Кроме того, правительство ежегодно вводило квоту в 1 500 мигрантов. [13]

В 70-х и 80-х годах основными источниками притока были Южная Азия: Индия, Бангладеш, Шри-Ланка и Пакистан из стран Карибского бассейна и других стран Содружества, таких как Нигерия, Кипр и Гонконг, а также из Южной Африки и государств-членов ЕС. Большинство новоприбывших из «Нового Содружества» были вторичными иммигрантами: родственниками тех, кто приехал в 50-е и в начале 60-х годов. Британская иммиграционная политика переместилась затем на контроль воссоединения семей: по сравнению с немецким законодательством о первом поколении гастарбайтеров, британское регулирование носило крайне ограничительный характер по отношению к мужьям и женихам - была большая озабоченность высоким уровнем фиктивных браков и обмана. Для того, чтобы минимальное количество выданных разрешений, процедуры оформления въезда были сложными и долгосрочными. Маргарет Тэтчер была также за сокращение воссоединения семей и призвала положить конец уступке родственникам. Во время своей успешной предвыборной кампании в 1979 году в одном из ее часто цитируемых высказываний говорилось о открытой обеспокоенности по поводу постколониальной иммиграции: она утверждала, что «наши люди» могут быть «затоплены людьми другой культуры». [14] Под этим правительство подразумевало учебный план для школ, который был изменен с большим акцентом на белую британскую историю и христианство. [15]

Следующие десятилетия вызвали другие притоки иммигрантов, из которых наиболее обсуждаемыми были просители убежища (из-за неблагоприятного социального мнения о них) и граждане восточноевропейских стран (из-за их большого числа). В 90-е годы в Великобритании нашли убежище несколько групп беженцев, среди которых были вьетнамцы (24 000), боснийцы и косовцы (6 500). В период между 2000 и 2002 годами был достигнут пик ходатайства о предоставлении убежища: он вырос до более чем 80 000 человек, в основном из Афганистана, Ирака и Сомали. Хотя цифры не были высокими, их приходы всегда вызывали социальное недовольство. В то время как миграция граждан Восточного Европейского Союза оказалась намного выше официальных прогнозов - с 2004 года, когда правительство открыло рынок труда для новых так называемых европейских государств А8, за последнее десятилетие в Великобританию перебралось более 500 000 рабочих из восточного UE. Почти 70% из них были польскими гражданами. [16] Это стало крупнейшим потоком иммигрантов в британской истории после постколониальной иммиграции. Таким образом, самыми свободными странами-«отправителями» в 2009 году были Польша, Индия и Пакистан. [17]

Заглянув во вторую половину двадцатого века, история иммиграции в Великобритании отмечена концепцией «британскости», которая была реконструирована для того, чтобы

определить социальное «мы» против небелых иностранцев, которые фактически прибыли как Граждане английской империи. Истоки сегодняшней многонациональной Британии вызвали недоумение и стали поворотным моментом в истории Британии, так как он был удачно поставлен Ясином Алибхай-Брауном, известным антирасистским комментатором по вопросам, связанным с иммиграцией.

За этот период времени «британскость» была построена вокруг расовой привязанности на простом понятии: «быть белым значит принадлежать, а быть черным - быть исключенным». [18] Послевоенные десятилетия характеризовались деколонизационной массовой иммиграцией, которая была одной из главных политических проблем в течение лет. Несмотря на то, что в таких регионах, как Ирландия и ЕС (а затем и в ЕС), были другие иммиграционные потоки, они приобрели гораздо меньший медийный и политический интерес, поскольку не рассматривались как появление «других» культур и религий, несмотря на то, что они также создали многокультурное общество в Великобритании.

Сегодняшний иммиграционный дискурс в какой-то степени менее консервативен по расовым вопросам и не настолько сосредоточен на контроле, а скорее на политике ассимиляции и связан с ним «управлением миграцией», фразой, все чаще используемой государственными чиновниками. Термин «британскость» также переживает реконструкцию. Однако тенденция иммиграционной политики по-прежнему носит избирательный характер: с одной стороны, поощрение «разыскиваемых» экономических мигрантов, таких как квалифицированные рабочие и иностранные студенты, и, с другой стороны, ограничение мер экономически нежелательных мигрантов, таких как просители убежища и непостоянные иммигранты.

Наверное, ничто другое не повлияло на дискуссию о мультикультурализме в последнее время больше, чем так называемые лондонские взрывы 7 июля 2005 года, часто называемые 7/7. В тот день четыре исламских террориста-самоубийцы взорвали три бомбы в вагонах метро и один в автобусе, в результате чего 52 человека погибли и более 700 получили ранения. Атаки, которые поразили Великобританию, отличались от террористического нападения 9/11 в Америке таким образом, что 9/11 официально было истолковано как нападение иностранной террористической группы, в то время как бомбардировщики Лондона были британскими гражданами, воспитываемыми в Великобритании.

Этот факт заставил многих комментаторов обвинить в этом мультикультурализм и заставил политиков пересмотреть политику мультикультурализма. Критика последовала сразу после события. Уильям Пфафф, аналитик журнала the Observer, не был одинок в своей точке зрения, когда он пришел к выводу, что «эти британские бомбардировщики являются следствием ошибочного и катастрофического преследования мультикультурализма». [19] Доклад независимого аналитического центра Чивитас подверг критике впоследствии «жестких» мультикультуралистов, которые настаивают на том, что ни одна культура не может быть лучше другой, - в этом контексте наиболее важной ценностью была бы толерантность, которая не устанавливает каких-либо сбалансированных границ. В докладе, озаглавленном «Нищета мультикультурализма», говорится, что мультикультурализм способствует сегрегации и как таковой способствует нападениям 7/7.

Событие значительно повлияло на мусульманские меньшинства, во-первых, в усилении общественных антимусульманских настроений. Это сильно отражено в опросах общественного мнения, что бомбардировки способствовали общей картины ислама как угрожающей религии и мусульман как неспособных к интеграции. Во-вторых, было введено несколько контртеррористических мер, и так называемая «война с терроризмом», начатая после 11 сентября, была ужесточена в Великобритании. В докладе, подготовленном по заказу Комиссии по вопросам равенства и прав человека, говорится, что антитеррористическое законодательство было особенно сосредоточено на мусульманах, поскольку к ним относились как к «подозреваемой группе». Результаты этого исследования показывают, что мусульмане, в свою очередь, имели сильное представление о влиянии антитеррористических законов и политики на их жизнь. Следовательно, многие мусульмане

чувствуют себя отчужденными и изолированными как несправедливые мишени для многих антитеррористических мер.

Трагедия 7/7 увеличила сегрегацию, усилив распространенное заблуждение радикального исламиста как представительной группы мусульманских общин в целом и понятия ислам как радикальной религии. Как отметил Сами Зубайда, говорить об «мусульманском обществе» нецелесообразно, хотя на самом деле существует много разных сообществ мусульман. Они существуют во множестве этнических групп и содержат огромный спектр секуляризма и религиозных практик. [20] Также стоит отметить, что в мусульманских общинах ведутся дискуссии о том, как изменить свою идентичность, чтобы она не вмешивалась в западные либеральные культуры и их норм, таких как гендерное равенство, религиозный плюрализм и терпимость, а также светская демократия. [21] Это могло бы помочь предотвратить рост радикальных тенденций и мусульманской оппозиции по отношению к основной западной культуре, которая способствует террористическим атакам, таким как Лондонские взрывы.

Изменения британского многонационального населения нашли свое отражение в концепции национальной самобытности, выраженной как этническими меньшинствами, так и этническим большинством. С одной стороны, этнические меньшинства говорят на своих родных языках и культивируют свои традиции и обычаи и лелеют свою культуру. Некоторые из них так хорошо ассимилировались с туземцами, что они больше не воспринимаются как «чужие», а являются частью (большой частью городской) Британии; И их самоидентификация двойственна. Статистические данные показывают, что подавляющее большинство британских мусульман гордятся своей британской идентичностью и одновременно чувствуют себя британцами и мусульманами. [22] Однако некоторые политики и комментаторы подвергают сомнению это, возможно, исходя из традиционной концепции нации, которая не включает в себя мусульман. С другой стороны, есть коренные британцы, некоторые из которых чувствуют себя неловко относительно плюрализации своего общества и попыток некоторых элит переосмыслить свою идентичность, чтобы сделать ее более всеобъемлющей. Этот вопрос поднимает разные вопросы, у которых нет одного ответа, а вместо этого возникают сильные эмоции. Как сказал Тарик Модуд и Джон Солт:

«[Эти] эмоции могут быть конструктивными и инклюзивными: их можно использовать для поддержки общего гражданства и уважения культурных различий в понимании того, что так же, как можно быть шотландцем и англичанином, так что можно быть индусом и англичанином или мусульманином и англичанином» [23].

Список использованных источников:

1. Maleiha M. (2010) 'Progressive multiculturalism: the British experience'. in Silj A., ed. *European Multiculturalism Revisited*. London/New York: Zed Books, p. 34
2. Maleiha M. (2010) Op. Cit., pp. 34-39
3. Joppke C. (1999) *Immigration and the Nation-State: The United States, Germany, and Great Britain*. Oxford: Oxford University Press, p. 100
4. Hansen R. (2000) *Citizenship and Immigration in Post-war Britain. The institutional Origins of a Multicultural Nation*. Oxford: Oxford University Press, p. 54
5. Miles R and Cleary P. (1992) 'Britain: Post-Colonial Migration in Context', in Thränhardt D., ed. *Europe – a New Immigration Continent. Policies and Politics in Comparative Perspective*. Hamburg: Lit, pp. 126, 127
6. Hansen R. (2000) Op. Cit., p. 8
7. Joppke C. (1999) Op. Cit., p. 105
8. Joppke C. (1999) Op. Cit., p. 102
9. Miles R and Cleary P. (1992) Op. Cit., pp. 129-131, 133
10. Hansen R. (2000) Op. Cit., p. 20
11. Enoch Powell (1968) 'Rivers of Blood' speech delivered on 20th April 1968

- <http://www.telegraph.co.uk/comment/3643823/Enoch-Powells-Rivers-of-Blood-speech.html>
12. Favell A. (1998) *Philosophies of Integration: Immigration and the Idea of Citizenship in France and Britain*. Hampshire/New York: Palgrave Macmillan, p. 105
 13. Hansen R. (2000) Op. Cit., p. 33
 14. Joppke C. (1999) Op. Cit., pp. 117-119
 15. Rattansi A. (2011) *Multiculturalism: A Very Short Introduction*, Oxford: Oxford University, p. 26
 16. 93.) Office for National Statistics (ONS) (2011) *Migration Statistics Quarterly Report. Polish People in the UK - Half a million Polish Residents*, August 2011 <http://www.ons.gov.uk/ons/rel/migration1/migration-statistics-quarterly-report/august-2011/index.html>
 17. Centre for Economic Performance (2010) *Election Analysis: Immigration and the UK Labour Market: The Evidence from Economic Research*. London, p. 4 <http://cep.lse.ac.uk/pubs/download/ea006.pdf>
 18. Hansen R. (2000) Op. Cit., p. 62
 19. Pfaff W. (2005) 'A monster of our own making', *The Guardian/The Observer*, 21.08.2012 <http://www.guardian.co.uk/uk/2005/aug/21/july7.terrorism>
 20. S. Zubaida (1995) 'Is There a Muslim Society?', *Economy and Society*, 24(2): 151-88
 21. Rattansi A. (2011) Op. Cit., p. 132
 22. Moosavi L. (2012) 'Muslims are well-integrated in Britain – but no one seems to believe it', *The Guardian*, 3.07.2012 <http://www.guardian.co.uk/commentisfree/belief/2012/jul/03/muslims-integrated-britain>
 23. Modood T. and Salt J., ed. (2011) Op. Cit., p. 262

УДК 307-56

ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ВАЛЮТА ЖҮЙЕСІНДЕГІ БРИКС МЕМЛЕКЕТТЕРІ

Сәрсенбекова С.С.

Халықаралық қатынастар мамандығының 4 курс студенті,

Л.Н.Гумилев атындағы ЕҰУ, Астана, Қазақстан

Ғылыми жетекші Джумадилова Г.М.

Қазіргі таңда экономикалық күш маңызы алдыңғы қатарға шыққаны мәлім, және сол экономиканың негізгі күші-ақша. Ақшаның өзі жаһандану дәуірінде ерекше тауарға айналып отыр. Бұрында ақша өндіріске қызмет атқарып, өндіріс көлеміне қарап шығарылып, алтынмен бағаланса, қазіргі кезде бәрі мүлдем басқаша. Жалғыз ақшаның (валютаның) көмегімен экономиканы құлдыратуға немесе көркейтуге болады. Экономикалық өсімге әсер беретін факторлардың бірі мықты валюталық саясат. Мемлекеттер барынша валюта тұрақтылығын сақтауға тырысады, мысалы, Қытайдың Орталық Банкі (ОБ) 30 жыл бойы бекітілген юань курсы ұстап келді, нәтижесінде курсы бағамы төмендеді, осылайша қаржы қауіпсіздігін қамтамасыз етіп, халықаралық тауар нарығында қосымша артықшылықтар берді. Мемлекеттер, экспортқа бағытталатын болса, валютаның төмендеуіне барлық жағдайлар жасайды, осылайша мемлекеттегі тауарлар басқа елге арзан бағамен жетіп, бәсекеге қабілеттілігі артады. Ресей Федерациясының Орталық Банкі экспортқа негізделген салалардың қызығушылығының негізінде тұрақты курс саясатын валюталық коридор шеңберінде жүргізіп отырды. Бірақ бұндай саясат 1990 жж. аяғындағы рубльдің девальвациясының алдын алған жоқ. Бразилия және ОАР еркін валюталық режим саясатын жүргізіп, ұлттық валютаның тұрақтануына қол жеткізді.

Соңғы жылдары, БРИКС мемлекеттері валюталық ынтымақтастыққа назар аударып отыр. БРИКС даму банкі және Валюталық Резерв Пулын құрғанын атап өту керек және мемлекеттер арасындағы қаржы операциялардың біраз бөлігі және екі жақты сауда-саттық өз